

ТЕУРГИЧЕСКАЯ ИДЕЯ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА И ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕКОНСТРУКЦИИ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Формальное обращение постмодернизма к идеям символизма и непосредственная связь между ними отсутствуют. Но объединяет эти два культурных феномена содержание их основных концепций. Теургическая идея русского символизма о преобразовании действительности близка постмодернистской концепции деконструкции традиционного мира, т.е. его изменению. Концепция деконструкции постмодернизма доказывает развитие и трансформацию идей символизма.

Ключевые слова: русский символизм; постмодернизм; теургия; деконструкция.

Постмодернизм и символизм, заявляющие о новом уровне сознания человека, – это этапы на одном пути развития человечества. Философы начала и конца XX в. стремятся к обретению новой целостности, универсальной гармонии. Компаративистский анализ концепций теургии и деконструкции поможет обнаружить связь и преемственность основных направлений культуры XX столетия. Идеи и проблемы, поставленные символизмом, не исчезают с его уходом. Символистская мировоззренческая парадигма оказывает влияние на многие учения XX в. и во многом объясняет новые малопонятные феномены культуры.

Русский символизм с его идеей преображения мира ставит проблему, которая осмысливается всеми современными культурными феноменами – преодоление неудовлетворяющей действительности.

Теория теургии русского символизма, ее философские истоки, сущность и задачи достаточно полно раскрыты в ряде исследований. Поэтому остановимся на основных положениях теургической концепции.

1. В теургической концепции символизма поэты и художники рассматриваются как пророки, владеющие религиозными идеями, как носители божественного откровения в сфере бессознательного. Теургия понимается как высшая форма человеческого творчества, основанная на присутствии в душе художника, «тайновидца и тайнотворца жизни», высшего духовного начала. Этика, эстетика, религия сливаются в неделимое единство в теургическом творчестве, которое становится созиданием новой жизни и нового человека на идеальных духовных основаниях. Теургическую задачу художника Вяч. Иванов видит в преображении мира путем выявления сверхприродной реальности: «...художники и поэты опять должны стать жрецами и пророками, но уже в другом, но еще более важном и возвышенном смысле: не только религиозная идея будет владеть ими, но они сами будут владеть ею и сознательно управлять ее земными воплощениями» [1. С. 130].

2. Цель теургической концепции – разрушение границ между жизнью и творчеством, утверждение онтологичности, бытийственности творчества. Центральной идеей статьи Белого «Символизм как миропонимание» является отрицание собственной цели и собственного содержания искусства. В символизме образы не только вызывают чувство красоты, они становятся методами познания. Образы развивают у человека способность видеть в явлениях жизни преобразовательный смысл. Искусство перестает быть только искусством, оно становится жизнестроением: «Эстетика символической школы должна искать обоснование эстетики вне эстетики» [2. С. 60].

3. Теургия воспринимается символистами как способ радикального преодоления препятствий на пути человечества к социальной и нравственной гармонии. Понятие культуры тесно связывается с концепцией теургии. Синтез этих понятий обусловлен их сущностным единством. Конечной целью культуры является жизнестроительство. Жизнепреобразующая миссия искусства тесно связывается с теургической миссией художника. Следовательно, главной целью творческой деятельности, т.е. культуры и теургии, является преобразование общества средствами культуры и искусства на пути духовного самоусовершенствования человека: «Последняя цель культуры – пересоздание человечества; в этой цели встречается культура с последними целями искусства» [3. С. 22]. Таким образом, культура и теургия, имея общую цель, представляют органичное единство.

Новые постмодернистские идеи противоречат привычным представлениям и стереотипам мышления, они не укладываются в существующую систему ценностей. Но столетие назад аналогично оцениваются идеи русского символизма. При всей уникальности и внешней несхожести концепции теургии и деконструкции имеют глубинную связь. Несмотря на различия в культурном контексте, категориальном аппарате, своей антирационалистической (ревизионистской) направленностью, стремлением изменить эмпирический мир концепция деконструкции сущностно смыкается с идеей преображения мира в символистском учении теургии. Если отставить религиозную основу теургической концепции и вычленив ее рациональный смысл, то теургия определяется как действие в преобразовании мира и человека. Такова же рациональная идея деконструкции – преобразование понятий, создание нового типа мышления и в конечном итоге преобразование действительности.

Суть концепции деконструкции Ж. Деррида заключается в упорядоченном разрушении. Истоки понятия «деконструкция» указывают на более широкий смысл, чем уничтожение. В работе «Насилие и метафизика» Ж. Деррида говорит о деконструкции движения мысли. Философия всегда осуществляет свою возможность через отрицание своего прошлого и настоящего. «Философия всегда жила в агонии», развиваясь через собственную смерть, отрицая свои источники и свою историю. Определение состояния современной философии требует, по мнению Деррида, ответа на вопрос «есть ли у мысли некое будущее по ту сторону своей собственной смерти или смертности, или же, как сегодня можно услышать, это будущее только должно прийти» [4. С. 124].

В работах Деррида речь идет не об уничтожении, а переосмыслении и переориентации основных понятий

философии. Анализируя предыдущую философию, Деррида выделяет три момента, определяющие будущее развитие философии. Во-первых, нужно изменить место истока, сместить греческий логос, уйти «к пророческому слову, вдохнувшему не просто до Платона, или даже до сократиков» [4. С. 128], но к мысли, которая была для них основой. Необходимо освободиться от тотальности греческого господства, которое видится Деррида как начало всякого подавления и угнетения. Во-вторых, для отделения мысли от греческого начала нужно противопоставить ее всей существующей традиции. В-третьих, чтобы это противопоставление не было насильственным, нужно опираться на этику.

Для развития философской мысли Ж. Деррида предлагает, «оставаясь в рамках эмпирического исследования, сохранить, повсеместно указывая их ограниченность, все прежние понятия в качестве инструментов, которые еще могут пригодиться <...> с их помощью разрушать старую машину, которой они принадлежат и деталями которой они являются» [5. С. 453]. Этот метод критики понятий и языка у К. Леви-Стросса называется «бриколаж» (необходимость заимствования понятий) и описывается не только как интеллектуальная деятельность, но мифопоэтическая. Специфика бриколажа, по мнению Деррида, основана на его отказе от центра, единства, истока и принципов, характерных для традиционного философского и научного дискурса.

Понятие центра, считает Деррида, подразумевает включенность в историю смысла, который имеет начало и законченность. Но такие понятия, как «основание», «центр», указывают на инвариант присутствия трансцендентальности, сознания, Бога, человека. Если есть центр, значит, можно помыслить законы, которые им управляют, смещают или замещают его. Деконструкция позволяет прийти к выводу, что «центра нет, что его нельзя помыслить в форме присутствующего сущего, что у него нет естественного места, что он представляет собой не закрепленное место, а функцию, своего рода не-место, где происходит бесконечная игра знаковых замещений» [5. С. 449].

Концепция Дерриды означает не радикальное отрицание понятий, а критическое преобразование метафизического мышления. «...Деконструкция логоцентризма – дело медленное и сложное, и, конечно же, нельзя просто говорить: “Долой!”. Я этого никогда не говорю, я люблю язык, люблю логоцентризм. Если я и хочу восстановить обучение философии как институт во Франции, то ради преподавания метафизики. Я знаю, что метафизика нам нужна, я никогда не говорил, что ее нужно просто выбросить в мусорный ящик...» [6. С. 171]. Деконструкция логоцентризма заключается в критике основных претензий европейской метафизики на универсальность и всеобщность.

Развитие философии представляется Деррида в переходе и выходе к другому, но не через абсолютное отрицание философской традиции, а в обращении к другому в том, что в нем неуничтожимо содержится, в обнаружении древнего слова, которое ведет за пределы философии.

Деррида понимает деконструкцию как метод, позволяющий варьироваться в зависимости от сферы приложения. Так, метод деконструкции используется философам в исследовании письма. Речь идет о необходимости

изменения отношения к письменности, которая формирует значения, необходимые для бытия мира и человека и, следовательно, может стать основанием новой культурной парадигмы. Теория грамматики предстает как начало создания нового типа мышления, способного моделировать новую действительность.

Весь мир в целом, в представлении Деррида, – это письмо, поскольку его осознание письменно фиксируется в текстах. Таким образом понимаемое письмо – не просто культурная универсалия, но предпосылка существования культуры, поскольку всякое проявление культуры – это письмо. Основанием нового культурного мира станет новое письмо, создающее иные способы смыслозначения. Письменности будет принадлежать новый статус в связи с отделением рационализма от Логоса, который в течение всей истории культуры репрессивует ее: «Эпоха Логоса унижает, дискриминирует письменность, которая рассматривается лишь как медиация медиации» [7. С. 24].

Делая своеобразный исторический экскурс в историю, Деррида показывает пренебрежительное отношение к письменности. С Аристотеля, с античной философии начинается логоцентристская традиция подчинения письма, которое рассматривается как инструмент языка, фиксирующий речь. В Средние века христианская традиция определяет письмо как вторичное после слова Бога. И на протяжении последующего времени письменность не имеет самостоятельного значения по отношению к языку. В эпоху Нового Времени Руссо противопоставляет письменность речи, чистые звуки которой выражают саму природу. Письменность же, по Руссо, – это болезнь языка, от которой и возникают все беды культуры.

Негативное отношение к письменности, характерное для западной культурной традиции, по мнению Деррида, необходимо изменить; для этого надо осуществить пересмотр понятия письменности, отказываясь от понимания языка как орудия мысли, а письма – лишь как его приставки. Деррида объявляет целью грамматики определение имени и статуса человека. Протописьмо есть у всех народов, не существует «бесписьменного общества», поскольку общее сосуществование подразумевает наличие механизма артикуляции социальной жизни и собственного сознания, иначе как можно классифицировать различия и определять имена.

Новый концепт письма, предлагаемый Деррида, по-новому решает проблему репрезентации, расширяя трактовку понятия «мимесис». За основу языка предлагается брать другие структурирующие его факты, а именно нефонетические элементы: интервалы, пробелы, разрывы между фонетическими знаками: «Эти знаки, собственно говоря, и существуют как таковые благодаря разрывам, интервалам, благодаря различию, которое их разъединяет <...> Между знаками присутствует нечто – интервал, разрыв, который и указывает на невозможность полного присутствия» [8. С. 6]. Фонетическое присутствие возможно благодаря нефонетическому отсутствию. Структура письма есть расстановка присутствия и отсутствия.

Идея Деррида о нефонетических элементах как структурирующих изменяет классическое представление о знаке. Интервал выступает как знак, указывающий не на присутствие, а на отсутствие вещи. Грамматику

Деррида определяет как новую науку о письменности, задачей которой станет ее освобождение. Это означает не только изменение значения понятий, но открытие новой картины мира. Грамматология – «отнюдь не есть наука в западном смысле этого слова, ведь для начала это вовсе не логоцентризм, без которого западная наука просто не существует. Либерализация старого мира есть по сути создание некоторого нового мира, который уже не будет миром логической нормы, в котором окажутся под вопросом, будут пересмотрены понятия знака, слова и письменности» [7. С. 13].

Источником письменности и средством ее освобождения Деррида представляется археписьмо, способное открыть свое начало, знаки своего происхождения. Археписьмо выступает как активная созидательная сила, дающая не только иное представление о мире, но и иной мир. Теория деконструкции заставляет задуматься о пределе оппозиций, о стирании различий, о критике языка и традиционных понятий, лежащих в основе философии. Деррида полагает, что деконструкция понятий – это «смелый способ наметить шаг за пределы философии» [5. С. 453].

Таким образом, теория грамматологии Деррида, как и теория теургии, утверждает возможность создания новых смыслов. Объединяет символистскую и постмодернистскую теории и тождественная задача формирования нового мироощущения. Основным фактором развития мыслители видят силу духовного начала, проявление творческой индивидуальности.

Творческий процесс рассматривается в философии Деррида как более значительное явление, чем уже созданное произведение. Произведение искусства репрезентирует истину не в точности, а путем разрушения устоявшихся смыслов для выявления их основания. Знаменитый метод «черенков и прививок» Деррида заключается в присоединении к основному смыслу текста своей идеи для обнаружения подавленного смысла и «выращивания» нового. «Означивание» – создание нового смысла – становится завершающим этапом деконструирования текста. То есть процесс деконструкции имеет творческий характер. Высокая ценность творчества обусловлена его процессуальностью, т.е. безграничностью. Открытый смысл произведения позволяет не только автору, но и воспринимающему бесконечно творить истину.

Концепция деконструкции не предлагает конкретной перспективы человеческого бытия. Тем не менее постмодернистская деконструкция нацелена на изменение мировоззренческой основы культуры.

Принципиальная открытость, незавершенность творчества предполагают не навязывание философией готовых смыслов, но включенность индивида в творческий процесс, когда он в своем восприятии наполняет произведение личным содержанием. В связи с этим можно говорить о значении в постмодернистской философии творческого начала, утверждающего свободу, самоценность и активизацию личности. Творчество в понимании возможности моделирования новой реальности, «представлении непредставимого» утверждает особое возвышенное отношение к человеку и миру.

Анализ концепций теургии и деконструкции позволяет определить следующие общие для них положения.

1. Сущностная связь теургической идеи и концепции деконструкции обусловлена идеей внерациональной основы творчества.

Теургическое творчество рассматривается символистами как способ раскрытия личности. Признавая значимость иррациональной глубины человека, символизм призывает к освобождению человеческого «Я», человеческого духа от ограниченного рассудочного познания, искажающего в сознании эмпирическое бытие.

Деконструкция противостоит рациональности мышления традиционной философии и литературы, отрицая классические оппозиции души и тела, формы и материи, речи и письма и т.д. Преобразование метафизического мышления означает преодоление человеком ограничений, которых требуют сциентизм, логика, разум, мораль существующего общества, и достижение свободы внутренней.

2. Символично-образный язык характерен как для теургической теории, так и для концепции деконструкции.

3. Теории теургии и деконструкции ставят тождественную задачу формирования нового мироощущения. Связь теорий деконструкции и теургии обусловлена общим для данных концепций пониманием необходимости нового субъективистско-художественного восприятия мира. Основным фактором развития мыслители видят творческое начало, нацеленное на преобразование действительности.

История показывает, что возникновение новой культурной парадигмы всегда связано с определенными этапами ее становления. Первая фаза предполагает разрушение привычных понятий, отстранение смыслов, т.е. деконструкцию. Поэтому многие современные философы позитивно оценивают опыт деконструктивизма как необходимый шаг к конструктивной стадии формирования новой парадигмы.

Тенденцией символизма и постмодернизма является стремление преодолеть апокалипсические настроения, преобразовать хаос в порядок. При этом философы отказываются от наличных форм разума и делают опору на эстетическое, на творческие моменты самого разума, абсолютизируя эти моменты. Для этого создаются такие оригинальные концепции, как теургия и деконструкция.

Символизм с его идеей создания нового мышления, преобразования мира и человека, полно выразил в художественной форме ощущение эпохи перехода к новой культурной парадигме. Теория деконструкции не означает разрушение основных принципов, она позитивна, поскольку предполагает не хаос отрицания, а возможность выйти за пределы устоявшихся смыслов. Деконструкцию традиционных социокультурных форм нужно понимать как их упорядоченное разрушение для освобождения духовно-интеллектуального пространства в ожидании рождения новой, наполненной жизнью формы. Деконструкция понятий Ж. Деррида разрушает основы европейской метафизики для создания иного взгляда на мир, человека, для создания нового искусства. Таким образом, теургическая идея русского символизма о преобразовании действительности близка постмодернистской концепции деконструкции традиционного мира, т.е. его изменению.

Творческое наследие символизма показывает, насколько сильно его теоретики понимают необходи-

мость иных, чем в эпоху позитивизма, методов мышления. Символисты пророчески предрекают, что «ближайшее будущее создаст типы философского творчества, близкие к типам до-сократовской, до-критической поры, которую Ницше называет “трагическим веком” эллинства» [9. С. 41]. Возможно, речь идет о таком феномене современной культуры, как

постмодернизм. Философию постмодернизма можно рассматривать как точку отсчета нового философского мышления. В своем стремлении создать новый тип мышления, новые концепты, иной, чем традиционный, категориальный аппарат и в конечном итоге новую картину мира постмодернизм продолжает развитие основных идей символизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов Вяч.* Две стихии в современном символизме // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 131–169.
2. *Белый А.* Эмблематика смысла // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 25–79.
3. *Белый А.* Проблемы культуры // Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 18–25.
4. *Деррида Ж.* Насилие и метафизика // Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 124–249.
5. *Деррида Ж.* Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 453–467.
6. *Жак Деррида* в Москве: деконструкция путешествия / Пер. с фр. и англ.; Предисл. М.К. Рыклина. М.: Культура, 1993. 171 с.
7. *Деррида Ж.* О грамматиологии. М.: Ad Marginem, 2000. 122 с.
8. *Деррида Ж.* Введение в деконструкцию // Московские лекции. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 6–46.
9. *Иванов Вяч.* Ницше и Дионис // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 36–49.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 1 октября 2008 г.